

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
ДЕКАБРЬ. 1909 Г.

ПАМЯТИ СУЛТАНА ЧИНГИСХАНА.

ЕВРАЛЯ 28-го сего года скончался генераль-отъ-кавалеріи султанъ Чингисханъ.

Покойный былъ сыномъ владѣтельнаго хана киргизской Букеевской орды—хана Джангера, который вмѣстѣ съ подвластными ему киргизскими племенами, населявшими наши юго-восточныя окраины, принялъ присягу въ вѣрноподданствѣ императору Николаю Павловичу.

Султанъ Чингисханъ родился въ 1840 году и былъ младшимъ изъ четырехъ сыновей хана Джангера, изъ которыхъ въ настоящее время только одинъ старшій, князь Ахметъ, остался въ живыхъ. Воспитывался онъ въ пажескомъ корпусѣ, окончивъ который въ 1856 году, былъ записанъ въ золотую книгу и произведенъ изъ камеръ-пажей въ корнеты лейбъ-гвардіи Казачьяго (нынѣ Его Величества) полка.

По примѣру старшихъ его братьевъ, высочайше повелѣно было въ 1857 году командировать его въ Оренбургъ, въ распоряженіе главнаго начальника края, для ознакомленія съ дѣлами по управленію кочующими ордами киргизъ. Въ 1866 году султанъ Чингисханъ, въ чинѣ ротмистра того же Казачьяго полка, былъ назначенъ въ распоряженіе войскового наказнаго атамана войска Донского, а въ 1868 году, уже въ чинѣ полковника, переведенъ на службу въ Сѣверо-Западный край. Въ 1871 году былъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Въ 1874 году султанъ Чингисханъ, по высочайшей волѣ, былъ призванъ къ занятіямъ въ телеграфномъ департаментѣ, а въ 1876 г. высочайше повелѣно ему заниматься, независимо телеграфнаго дѣла, дѣлами по киргизской отрасли въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Во время войны съ турками (въ 1877—1878 году) Чингисханъ былъ назначенъ начальникомъ движенія телеграфной корреспонден-

Султанъ Чингисханъ.

денціи въ дѣйствующей арміи и въ 1878 году произведенъ за отличіе по службѣ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ въ свиту его величества. Затѣмъ, по распоряженію главнокомандующаго арміею, назначенъ исполнять обязанности помощника начальника полевого инженернаго управленія, по завѣдыванію телеграфами, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ томъ же году назначенъ

членомъ кассационнаго присутствія дѣйствующей арміи съ оставленіемъ въ прежней должности. За храбрость и личную отвагу во время военныхъ дѣйствій подъ Плевной и за радостную вѣсть, сообщенную лично государю императору, о взятіи нашими войсками Гривицкаго редута пожалованъ собственноручно государемъ золотой шапкой съ надписью «за храбрость».

Приведемъ выдержки изъ дневника султана Чингисхана, гдѣ онъ описываетъ это событіе:

«Цѣлый день 30-го августа, день именинъ государя, всѣ посланные адъютанты и ординарцы приносили извѣстія: *отбиты... или хотя взяли, но опять отдали...* я же одинъ, самимъ государемъ неожиданно посланный, привезъ ему радость. Ахъ, какъ я былъ счастливъ въ минуту свиданія съ обожаемымъ монархомъ. Такое событіе бываетъ у человѣка только разъ въ жизни. Государь наградилъ меня слѣдующими незабвенными словами: «Я тебя послалъ въ минуту труднаго моего душевнаго настроенія. Ты принесъ мнѣ хорошую вѣсть, благодарю тебя за это». Далъ руку. Я поцѣловалъ и отвѣтилъ: «Счастливъ, ваше величество, что для вашихъ именинъ привезъ радостную вѣсточку вамъ, государь, а еще болѣе счастливъ тѣмъ, что вы сами изволили меня послать за этой пріятной для васъ вѣстью». Онъ мнѣ второй разъ далъ руку, поблагодарилъ, поцѣловать меня изволилъ и отпустилъ. На другой день государь наградилъ меня золотой саблей за храбрость. Какъ онъ добръ и великъ въ своемъ вниманіи.

«Послѣ того его императорское величество не разъ вспоминалъ въ разговорахъ: «Чингисъ одинъ меня порадовалъ въ мои именины. Ты никогда не забудешь этого дня?» спрашивалъ онъ меня. «Никогда, ваше величество», отвѣчалъ я. Да и трудно забыть все то, что я видѣлъ и слышалъ. Царь нашъ—истинный отецъ нашъ. Намъ надо беречь его и неустанно молиться о здравіи и благополучіи Александра II».

Кромѣ золотого оружія, Чингисханъ имѣлъ всѣ русскіе ордена до Анны I степени включительно и много иностранныхъ.

По окончаніи военныхъ дѣйствій Чингисханъ былъ назначенъ состоять при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для занятія киргизскими дѣлами, на правахъ помощника управляющаго земскимъ отдѣломъ. Въ это же самое время онъ принималъ также участіе въ разработкѣ проекта объ устройствѣ управленія въ Туркестанскомъ краѣ и предсѣдательствовалъ въ высочайше утвержденной особой комиссіи о вакуфахъ въ Крыму, получивъ за всѣ эти труды высочайшую благодарность.

Въ 1888 году онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, съ оставленіемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и съ зачисленіемъ въ запасъ армейской кавалеріи. Въ 1894 году произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи съ увольненіемъ отъ службы.

Такимъ образомъ покойный состоялъ 38 лѣтъ на службѣ, занимая по преимуществу административныя должности, главнымъ образомъ по дѣламъ нашей восточной окраины, населенной разноплеменными кочующими инородцами. Но независимо отъ этого, на него возлагался, по высочайшему повелѣнію, цѣлый рядъ серьезныхъ порученій, исполнявшихся имъ всегда добросовѣстно и съ успѣхомъ.

Императоръ Александръ II отличалъ султана Чингисхана съ первыхъ же шаговъ его службы особымъ монаршимъ вниманіемъ, и Чингисханъ, въ свою очередь, боготворилъ царя. Преданность его монарху была безгранична.

Выдающаяся дѣятельность покойнаго снискала ему всеобщее уваженіе, и онъ нѣсколько разъ былъ избираемъ почетнымъ мировымъ судьей Новоузенскаго уѣзда Самарской губерніи.

Въ частной жизни это былъ рѣдкій по своимъ качествамъ человекъ: честный, правдивый, отзывчивый на все доброе и горячій патріотъ¹⁾. Онъ любилъ Россію, болѣлъ душой за всѣ ея неудачи и былъ дѣйствительно вѣрнымъ подданнымъ государя.

Отзывчивость и доброе сердце его были извѣстны всѣмъ, кто къ нему обращался когда-либо. Не говоря о безчисленномъ множествѣ соплеменниковъ, которые пользовались его поддержкой и покровительствомъ, на его счетъ воспитывались въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ сироты, или дѣти бѣдныхъ родителей, которыхъ онъ даже совершенно не зналъ. Вообще, онъ старался дѣлать добро вездѣ, гдѣ представлялась возможность, дѣлалъ это совершенно просто, не рисуясь, и входилъ въ нужды каждаго, кто бы онъ ни былъ. Такъ, будучи завѣдующимъ полевымъ телеграфомъ во время войны, онъ постоянно посылалъ на свой счетъ телеграммы солдатамъ, которые не имѣли средствъ дать о себѣ вѣсточку на родину.

Въ ту же войну, заболѣвъ серьезно брюшнымъ тифомъ, онъ въ письмахъ своихъ къ роднымъ все время твердилъ о томъ, что обязанъ своимъ выздоровленіемъ и остался живъ исключительно благодаря уходу за нимъ сестры милосердія Цвѣтковицъ и заботамъ друга своего П. Г. Ермолова. Узнавъ по выздоровленіи своемъ о трудномъ семейномъ положеніи Цвѣтковицъ и о томъ, что она хотѣла бы устроить своего брата на службу, онъ, не говоря ей ни слова, сталъ хлопотать за него. Къ Ермолову за его попеченія о немъ во время болѣзни онъ сохранилъ до конца дней своихъ, а также ко всей семьѣ его самое теплое дружеское отношеніе.

Нельзя не упомянуть о томъ, что Чингисханъ былъ очень религіознымъ человекомъ²⁾ и, оставаясь магометаниномъ, исполнялъ

¹⁾ Какъ на отличительную черту патріотизма его, можно указать на то, что онъ за всю свою жизнь, съ окончанія курса, не пропустилъ ни одного представленія «Жизни за Царя» въ Маріинскомъ театрѣ.

²⁾ Въ 1873 году совершилъ паломничество въ Мекку.

свято всѣ обряды своей религіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ относился съ большимъ уваженіемъ къ православію и русскому духовенству. Однажды ему пришлось быть свидѣтелемъ въ поѣздѣ желѣзной дороги, какъ кондукторъ грубо обошелся съ православнымъ священникомъ и высаживалъ его изъ вагона за то, что тотъ потерялъ билетъ. Чингисханъ подошелъ къ священнику, далъ ему денегъ на билетъ и на вопросъ священника, какъ переслать ему свой долгъ, просилъ только молиться за близкаго ему человѣка, назвавъ имя.

Незадолго до своей смерти, будучи уже совершенно больнымъ, Чингисханъ зашелъ какъ-то въ почтовое отдѣленіе, гдѣ всегда отправлялъ свою корреспонденцію, и случайно увидѣлъ, что на мѣстѣ прежней телеграфистки сидитъ другая; онъ поинтересовался, куда дѣлась прежняя, и, узнавъ, что она серьезно больная лежитъ въ больницѣ, тотчасъ же отправился навѣстить ее и, видя ея бѣдственное положеніе, предложилъ матеріальную помощь.

Много можно бы было привести образчиковъ его добраго сердца, но всего не перечесть. Онъ былъ также прекраснымъ семьяниномъ; былъ женатъ, но потомства не оставилъ.

Сохранивъ самое лучшее воспоминаніе о мѣстѣ своего воспитанія, куда онъ былъ опредѣленъ мальчикомъ 10 лѣтъ, Чингисханъ не прерывалъ сношеній съ пажами. Онъ ежегодно ѣздилъ на собранія общества взаимопомощи пажей, какъ одинъ изъ участниковъ его, а на обѣдахъ бывшихъ воспитанниковъ корпуса, передъ молитвами до и послѣ обѣда, барабанилъ, какъ это дѣлалъ въ пажемскомъ корпусѣ, во время нахожденія его тамъ.

Признательные товарищи его, бывшіе пажи, поднесли ему нѣсколько лѣтъ тому назадъ серебряный барабанъ, хранящійся нынѣ въ музеѣ корпуса. Покойный былъ такимъ виртуозомъ на этомъ инструментѣ, что въ любительскомъ оркестрѣ, собиравшемся у императора Александра III, въ бытность его наслѣдникомъ, на барабанѣ постоянно игралъ Чингисъ.

Скончался онъ на 69-мъ году въ Ялтѣ, куда уѣхалъ изъ Петербурга для поправленія разстроеннаго здоровья. Но судьба судила иначе. Хроническая болѣзнь, развившаяся послѣднее время, подточила могучій организмъ. По удивительному совпаденію, тѣло его предано землѣ 1-го марта, въ день кончины обожаемаго имъ монарха. Похороненъ онъ въ мѣстечкѣ Дерикой, близъ Ялты, на магометанскомъ кладбищѣ.

Кончина его печалила не только близкихъ и друзей его, но и всѣхъ знавшихъ этого вполне достойнаго, хорошаго человѣка.

А. Хакъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
НОЯБРЬ, 1909 Г.

А. М. АЛИХАНОВЪ-АВАРСКИЙ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ГЕНЕРАЛѢ А. М. АЛИХАНОВѢ-АВАРСКОМЪ.

ОГИВШІЙ отъ бомбы, брошенной террористами, въ Александрополѣ въ 1907 году, въ ночь на 3-е іюля, г.-л. А. М. Алихановъ-Аварскій былъ, безспорно, замѣчательной личностью и принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ дѣятелей въ Средней Азии и на Кавказѣ. Мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ довольно близко послѣ возвращенія его на Кавказъ изъ Закаспійской области, гдѣ онъ управлялъ Мервскимъ округомъ, и особенно въ послѣдніе годы, когда онъ жилъ въ Гори и часто пріѣзжалъ въ Тифлисъ. Во время нашихъ частыхъ свиданій мнѣ не разъ пришлось слышать отъ него рассказы о различныхъ эпизодахъ его жизни, въ томъ числѣ о его раннемъ дѣтствѣ, которое прошло при совершенно исключительной обстановкѣ; о немъ я постараюсь передать насколько возможно точно.

Отецъ Алиханова—Алиханъ—былъ родомъ аварецъ и былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ послѣдняго дагестанскаго имама, знаменитаго Шамиля, у котораго считался наибомъ. Это былъ человѣкъ выдающейся храбрости и удали, желѣзной воли, сложеніемъ богатырь, рыжеволосый, какъ многіе аварцы, пользовавшійся славой одного изъ лучшихъ бойцовъ въ Дагестанѣ. Популярность его среди народа была громадна, и онъ пользовался у него большимъ вліяніемъ. Женатъ онъ былъ на сестрѣ втораго имама Дагестана, которую очень любилъ, и имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей—сына Максуда и дочь Бегі-Султанъ. Максудъ—будущій Алихановъ-Аварскій, родился около аула Хунзахъ въ 1846 году.

Первые проблески самосознанія ребенка застали его среди разгара борьбы Шамиля съ нашими войсками. Первые картины, которыя запечатлѣла его дѣтская память, были суровые величественные виды дагестанскихъ горъ, то окутанныхъ густою пеленою облаковъ или грозными тучами, то блестящихъ своими снѣжными вершинами на бирюзовой лазури неба или въ чарующихъ лучахъ яркой южной луны, и картины боевой и первобытной жизни народа, свободолюбиваго, безумно храбраго, привыкшаго многія сотни лѣтъ бороться за свою независимость. Первые звуки—были призывы муллы къ молитвѣ, звуки выстрѣловъ и лязгъ холоднаго оружія.

Среди этой самобытной суровой обстановки мальчику пришлось прожить около пяти лѣтъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ произошло событіе, совершенно измѣнившее дальнѣйшую судьбу всей семьи Алихана,—не произоиди оно, молодой Максудъ, по примѣру своихъ сверстниковъ, попустилъ бы въ какую-нибудь аварскую шайку и до плѣненія Шамиля, т.-е. 1859 года, успѣлъ бы совершить много подвиговъ и, вѣроятно, сложилъ бы свою буйную головушку подъ солдатскою пулей или казацкою шашкой.

Но судьба распорядилась иначе. Могущественный имамъ былъ человѣкъ очень подозрительный и не терпѣвшій ни малѣйшихъ посягательствъ. Какъ онъ ни цѣнилъ Алихана, оказавшаго ему множество услугъ и не разъ жертвовавшаго за него жизнью, но его огромная популярность и вліяніе среди народа показались Шамилю крайне опасными, и постепенно, подъ вліяніемъ подозрительности, у него укрѣпилась мысль о необходимости избавиться отъ него.

И вотъ, въ одну глухую ночь на порогѣ сакли Алихана вдругъ выросла рослая фигура черкеса, бывшаго у Шамиля на посылкахъ. «Тебѣ нашъ приказъ отъ имама», пояснилъ свое появленіе посланецъ, протягивая ему письмо. Распечатавъ письмо, Алиханъ прочиталъ въ немъ приказъ Шамиля другому наибу въ ту же ночь убить Алихана. Черкесъ, не зная содержанія приказа и привыкнувъ постоянно носить приказы Алихану, принесъ ему и роковой приказъ, предназначенный для другого наиба... У Алихана хватило силы воли не подать виду, что дѣло неладно.

«Передай великому имаму, что его приказаніе будетъ исполнено», сказалъ онъ черкесу и, когда тотъ скрылся, немедленно осѣдлалъ коня и ускакалъ по направленію къ нашимъ передовымъ линіямъ, не успѣвъ захватить съ собою семью.

Передовою линіею командовалъ тогда князь Аргутинскій-Долгорукій, которому храбрецъ Алиханъ былъ хорошо извѣстенъ, какъ и всему отряду. Онъ принялъ подданство Россіи и былъ принятъ на службу и послужилъ своему новому отечеству и царю вѣрой и правдой: за 11 лѣтъ боевой жизни подъ сѣнью русскаго орла Алиханъ былъ раненъ 11 разъ и всѣ чины, до чина полковника, и

всѣ боевые ордена, до Георгія и золотого оружія включительно, онъ добылъ въ бояхъ. Вскорѣ послѣ окончанія кавказской войны онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-майора и поселился доживать свой вѣкъ въ Аваріи. Онъ имѣлъ, какъ мусульманинъ, 22 жены и много дѣтей, но любимымъ сыномъ его всегда былъ его первенецъ Максудъ.

Когда на слѣдующее утро обнаружилось, что Алиханъ не убитъ, а бѣжалъ, то Шамиль догадался о происшедшей ошибкѣ и пришелъ въ неопредѣлимую ярость. Первою мыслью мстительнаго имама—было жестоко расправиться съ оставшеюся въ его власти семьей Алихана; жену его онъ объявилъ разведенной и отдалъ ее въ жены сопернику Алихана, дѣтей же хотѣлъ сбросить въ пропасть со скалы... Приближенные, опасаясь взрыва негодованія со стороны многочисленныхъ приверженцевъ Алихана, насилу успѣли отговорить его отъ этого ужаснаго намѣренія.

Такимъ образомъ дѣти Алихана очутились въ плѣну у Шамиля. Потребовались продолжительные и настойчивые переговоры съ нимъ начальника нашего отряда, пока онъ согласился обмѣнять ихъ на четверыхъ попавшихъ къ намъ въ плѣнъ набобовъ.

Переѣздъ изъ горъ къ нашимъ войскамъ врѣзался сильно въ память ребенка, которому тогда было уже 6 лѣтъ. Посланные отвезти дѣтей горцы посадили ихъ къ себѣ на лошадей верхомъ. Долго продолжалось это необычное путешествіе по крутымъ горнымъ тропамъ Дагестана. Максудъ припоминалъ потомъ, что везшій его горецъ былъ къ нему очень ласковъ и угощалъ его яблокомъ.

Но вотъ, наконецъ, и поляна, на одной сторонѣ которой стоитъ нашъ отрядъ съ плѣнными горцами, а на другой—дагестанцы съ нашими плѣнными. Началась процедура размѣна плѣнныхъ, за которою ребенокъ внимательно слѣдилъ, хорошенько не отдавая себѣ отчета, въ чемъ дѣло. Въ концѣ концовъ очередь дошла и до дѣтей, и они очутились передъ отцомъ, котораго сразу не узнали въ его новой формѣ. Радость отца была неопредѣлима.

Въ отрядѣ Максудъ пробылъ до 8 лѣтъ и былъ посланъ въ Тифлисъ, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ былъ принятъ въ дворянскую гимназію—нынѣ 1-ю классическую гимназію, почти не знавъ русскаго языка.

Способности у мальчика оказались отличныя, и къ 17 годамъ онъ благополучно окончилъ въ ней курсъ. Молодого горца, родившагося подъ свистъ пуль, не влекла мирная гражданская обстановка—его манило военное дѣло, и онъ мечталъ отправиться въ Петербургъ и поступить въ одно изъ военныхъ училищъ. Но у отца его были другіе планы, и онъ вызвалъ Максуда въ Дагестанъ и объявилъ ему, что онъ рѣшилъ его немедленно женить.

Это совершенно разстраивало всѣ планы Максуда, и онъ горячо взмолился и сталъ умолять отца отпустить его въ военную службу

въ Петербургъ. Послѣ долгихъ просьбъ отецъ согласился, но при условіи, чтобы Максудъ все-таки женился. Пришлось исполнить волю отца. Послѣ свадьбы Максудъ немедленно отправился въ Петербургъ и изъ Темиръ-Ханъ-Шуры прислалъ своей женѣ полный разводъ.

По прибытіи въ столицу юный Алихановъ сдалъ успѣшно экзамень въ Константиновское военное училище и былъ принятъ приходящимъ. Средства его были весьма ограничєнные, и онъ жилъ въ самой скромной обстановкѣ, панимая гдѣ-то какую-то кануру. Какъ ни крѣпокъ былъ организмъ молодого горца, но въ концѣ концовъ онъ не выдержалъ, и Алихановъ опасно заболѣлъ.

Когда въ училищѣ, гдѣ его всѣ очень полюбили, хватились его отсутствія, онъ лежалъ безъ памяти. Начальство училища вошло въ его положеніе и приняло его на казенный счетъ, что дало ему возможность окончить курсъ по 1-му разряду и выйти въ Сумскій гусарскій полкъ, квартировавшій въ Москвѣ.

Здѣсь онъ прослужилъ около 6 лѣтъ; пребываніе въ Москвѣ имѣло огромное вліяніе на Алиханова—онъ сошелся здѣсь съ Катковымъ, Аксаковымъ и другими выдающимися русскими дѣятелями, а также съ представителями московскаго купечества и сталъ заниматься литературой и живописью.

Въ 1871 году, уже штабсъ-ротмистромъ, Алихановъ былъ переведенъ въ Дагестанъ адъютантомъ къ начальнику области и съ этого времени вступилъ на наиболѣе соотвѣтствовавшій его вкусамъ путь.

Дальнѣйшій ходъ службы его болѣе или менѣе извѣстенъ, и потому я перечислю лишь вкратцѣ ея главнѣйшіе эпизоды.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Дагестанъ Алиханову пришлось принять участіе въ подавленіи возстанія, которое вспыхнуло въ Ункратлинскомъ обществѣ,—оно было усмирено въ три мѣсяца, и Алиханову представилось нѣсколько случаевъ выказать свои военные дарованія.

Въ 1873 году онъ принялъ участіе въ Хивинскомъ походѣ въ составѣ Мангишлакскаго отряда. Онъ принималъ участіе во многихъ бояхъ и при штурмѣ Хивы былъ раненъ въ обѣ ноги.

Въ слѣдующемъ году онъ принялъ участіе въ Узбойской экспедиціи, имѣвшей цѣлью ознакомиться съ внутренностью нынѣшней Закаспійской области и направленіемъ Узбоя. Изъ этой экспедиціи онъ вернулся лѣтомъ 1875 г. и при проѣздѣ черезъ Баку имѣлъ столкновеніе со старшимъ по чину офицеромъ.

Этотъ случай отозвался тяжело на Алихановѣ—онъ былъ разжалованъ въ солдаты и зачисленъ въ Переяславскій драгунскій полкъ. Цѣлыхъ три года пришлось ему тянуть солдатскую лямку. Это несчастье, сломавшее, ему казалось, всю его карьеру, было перенесено имъ мужественно: твердость характера и сила воли

поддержали его въ эти тяжелые годы испытанія. Съ полкомъ онъ принялъ участіе въ Турецкой кампаніи и неоднократно отличался. Вернулся онъ унтеръ-офицеромъ; украшеннымъ знакомъ отличія военнаго ордена 4-й степени...

Въ 1879 году онъ принялъ участіе въ ахаль-текинской экспедиціи, окончившейся для насъ плачевно: генералы графъ Борхъ и князь Витгенштейнъ, которые начальствовали, вздумали въ сильнѣйшій зной, послѣ огромнаго перехода, не давъ отдохнуть войскамъ и не давъ имъ даже снять ранцевъ, двинутъ войска на штурмъ Геокъ-Тепе, гдѣ засѣлъ непріятель, во много разъ болѣе сильный. Измученные солдаты едва передвигали ноги и падали отъ усталости и, когда лавина свѣжихъ враговъ стремительно обрушилась на нихъ,—несмотря на геройское сопротивленіе, должны были отступитъ, почти до Красноводска.

За оказанные подвиги храбрости Алихановъ былъ произведенъ въ подпоручики; слѣдующіе два года онъ провелъ на Кавказѣ и только въ 1872 г. вернулся въ манившія его своей неизвѣстностью закаспійскія степи, по которымъ ему пришлось въ теченіе 1883—84 гг. совершить цѣлый рядъ походовъ и рекогносцировокъ.

Во время ихъ онъ близко ознакомился съ Мервскимъ оазисомъ и, завелъ куначество со многими мервскими старѣйшинами. Въ то же время онъ усиленно занимался литературою, сотрудничая въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и другихъ столичныхъ изданіяхъ, обнаруживъ недюжинный литературный талантъ, дававшій ему до 500 рублей заработка въ мѣсяць.

Близкое знакомство съ мервцами и связи его съ московскимъ купечествомъ зародили въ его головѣ мысль о мирномъ присоединеніи къ Россіи Мервскаго оазиса. Онъ побудилъ московскую фирму Коншина снарядитъ караванъ съ товарами для продажи въ Мервѣ. Н. П. Коншинъ послалъ одного изъ наиболѣе крѣпкихъ и предприимчивыхъ приказчиковъ—пермяка г. Косыхъ.

Товаръ былъ направленъ моремъ на Красноводскъ, а г. Косыхъ отправился черезъ Тифлисъ, гдѣ во время своего пребыванія неоднократно бывалъ у насъ. О томъ, что ему предстоитъ принять участіе въ присоединеніи Мерва, г. Косыхъ тогда не подозрѣвалъ, а полагалъ, что его миссія только отвезти и выгодно продать свою мануфактуру въ Мервѣ, куда его приглашалъ Алихановъ.

Ко времени прибытія товаровъ и г. Косыхъ Алихановъ вполне разработалъ свой планъ. И вотъ изъ Асхабада двинулся караванъ подъ управленіемъ «купца» Косыхъ и въ сопровожденіи переводчика текинца «Максудки». Пока шла распродажа товара, переводчикъ Максудъ велъ разные разговоры съ большой осторожностью и искусствомъ и въ концѣ концовъ, когда караванъ возвратился въ Асхабадъ, съ нимъ отправилась депутація мервскихъ старшинъ и почетныхъ гражданъ присягать Бѣлому Царю. Для извѣщенія

начальника области генерала Комарова былъ посланъ гонецъ. Генераль Комаровъ долго не хотѣлъ вѣрить гонцу, пока, наконецъ, депутація мервцевъ не подѣхала къ Асхабаду, — совершившемуся факту пришлось повѣрить.

За присоединеніе Мерва Н. П. Коншинъ получилъ дворянское достоинство, г. Косыхъ—медаль за усердіе, а Алиханову были возвращены майорскій чинъ и ордена и онъ былъ произведенъ въ подполковники съ назначеніемъ первымъ мервскимъ уѣзднымъ начальникомъ, въ должности котораго онъ оставался до возвращенія своего въ 1890 г. на Кавказъ. Присоединеніе Мерва неоднократно служило темой для описаній и разсказовъ и составляетъ большую заслугу Алиханова передъ Россіей, сумѣвшаго силой убѣжденія побудить воинственное свободолюбивое племя добровольно по собственному желанію присоединиться къ Россіи. Искусному управленію Алиханова слѣдуетъ приписать и то, что въ Мервскомъ уѣздѣ не только не было ни разу какой-либо попытки къ возстанію, но мервцы образовали прекрасную милицію, которая приняла вскорѣ блестящее участіе въ битвѣ при Кушкѣ, гдѣ наши войска прописали жестокой урокъ афганцамъ, предводительствуемымъ англійскими офицерами... Вчерашніе враги стали преданными и полезными слугами, кровью своего запечатлѣвшими вѣрность Россіи и русскому царю.

Когда началась китайская война, генераль Алихановъ поспѣшилъ въ ряды войскъ Дальняго Востока, но участвовать въ японской войнѣ ему не пришлось. Когда возникла мысль о сформированіи кавказской кавалерійской бригады изъ кавказскихъ горцевъ, генераль Алихановъ былъ назначенъ для командованія ею и главноначальствующій на Кавказѣ кн. Голицынъ представилъ его на эту должность,—но, совершенно неожиданно для всѣхъ, на эту должность былъ назначенъ другой...

Сколько ни хлопоталъ Алихановъ и даже дважды ѣздилъ въ Петербургъ—ничто не помогло; ему все обѣщали, онъ ждалъ, но обѣщанія не исполнялись, а затѣмъ позорный Портсмутскій договоръ прекратилъ военныя дѣйствія, и храбрый генераль такъ и не попалъ на войну. Ему потомъ объяснили, что берегли его жизнь для похода въ Индію, который предполагался по окончаніи японской войны...

Но вотъ настало на Кавказѣ смутное время, когда власть проявила безпримѣрную растерянность и поразительную нерѣшительность и колебаніе. Въ самыя опасныя мѣста стали посылать Алиханова—въ теченіе 1905 года его дважды посылали въ Гурію и въ Эриванскую губернію для подавленія беспорядковъ. Наконецъ, когда вооруженная революціонная орда захватила желѣзную дорогу и Тифлисъ и чуть не низложила намѣстника, генераль Алихановъ былъ назначенъ временнымъ тифлискимъ генераль-губернаторомъ, но въ этой должности онъ успѣлъ пробыть всего 5 дней.

За этотъ кратковременный періодъ мнѣ пришлось неоднократно обращаться къ нему по дѣламъ патріотическаго общества въ Тифлисѣ, на которое обрушилась вся ярость революціонеровъ, ежедневно безнаказанно разстрѣливавшихъ кого-либо изъ его членовъ. Администрація не находила въ себѣ достаточно силъ, чтобы принять что-либо рѣшительное, и боялась показать свою солидарность въ чемъ-либо съ этой единственной организаціей на Кавказѣ, стойко и открыто объявившей себя сторонникомъ правительства и законнаго порядка.

Когда на другой день послѣ назначенія генерала Алиханова я явился къ нему по порученію общества доложить ему объ ужасномъ положеніи вещей, онъ прежде всего попросилъ меня передать обществу его просьбу оказать ему высокую честь включить его въ число своихъ членовъ, такъ какъ всѣ вѣрные слуги царя должны быть въ его средѣ, а затѣмъ немедленно распорядился принять самыя энергичныя мѣры къ прекращенію бойни, устраиваемой революціонерами, и прежде всего арестовать и выслать въ сѣверныя губерніи наиболѣе извѣстныхъ подстрекателей, а подозрѣваемыхъ въ убійствахъ заключить въ тюрьму и немедленно произвести энергичное слѣдствіе.

Аналогичныя мѣры были приняты и по отношенію къ всему Тифлису вообще. Революціонное движеніе сразу притихло, и было восстановлено правильное движеніе на желѣзной дорогѣ. За генераломъ Алихановымъ установилась репутація чловѣка твердаго и непоколебимаго, который не остановится ни передъ чѣмъ для выполнения возложеннаго на него порученія. Это молва предшествовала ему и сразу водворяла успокоеніе въ мѣстностяхъ, куда онъ пріѣзжалъ.

Эти свойства его характера и полное безстрашіе и побудили администрацію поручить ему возвращеніе подъ законную власть Кутаисской губерніи, которая совершенно отложила отъ Россіи, управляемая своими революціонными организаціями. Отрядъ, посланный для «покоренія» Кутаисской губерніи, уже дошелъ до Сурамскаго перевала и, быстро перейдя его по старой дорогѣ, понесъ пораженіе отряду революціонеровъ, стоявшихъ противъ Сурамскаго туннеля ко времени прибытія къ нему генерала Алиханова. Революціонеры, видя, что дѣло плохо, бросились бѣжать въ Гурію, сжигая на пути своего бѣгства вдоль желѣзной дороги села. Такъ ими были сожжены Бѣлогоры, Квирилы и др. Сожженіе ихъ революціонеры приписывали генералу Алиханову, распуская самыя ужасныя слухи о его звѣрствахъ надъ мирнымъ населеніемъ, массовыхъ разстрѣлахъ и т. д.

На самомъ дѣлѣ тѣни подобья не было. Жители всюду встрѣчали генерала Алиханова съ хлѣбомъ-солью, иконами, портретами Государя, благодарили за избавленіе отъ революціонеровъ. Отправивъ арестованныхъ губернатора Старосельскаго и вице-губерна-

тора Кипшидзе въ Тифлисъ и прибывъ въ Кутаисъ, генераль Алихановъ сформировалъ особый комитетъ изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ для разбора виновности обвиняемыхъ въ революціонномъ движеніи, а самъ объѣхалъ всю губернію, увѣщевая населеніе возвратиться къ мирному труду, подчиниться правительству и выдать агитаторовъ. Генераль хорошо говорилъ по-грузински, и его твердое и ясное слово имѣло магическое дѣйствіе—никого онъ не повѣсилъ, никого не разгромилъ, но въ 2—3 мѣсяца совершенно успокоилъ губернію. Кутаисская революція пала и разсѣялась, какъ дымъ; присмирѣло и гнѣздо революціи, поставщица террористовъ и разбойниковъ—Гурія, на которую возлагалось столько надеждъ общероссійской революціонной организаціей.

Этого удара революціонеры простить генералу Алиханову не могли; все подполье шипѣло, шипѣли не только социаль-демократы и революціонеры, но шипѣли и автономисты, и автокефалисты, не могшіе простить генералу вмѣшательства въ дѣла «освобожденія Грузіи». Въ грузинскомъ обществѣ имя «лезгина Алиханова» произносилось съ невѣроятной злобой и нѣтъ мѣры тѣмъ клеветамъ и вымысламъ, которые распространяли о немъ даже представители грузинской интеллигенціи, оглашавшіе всѣ административныя учрежденія Тифлиса стенаніями объ ужасной судьбѣ «несчастной Гуріи, отданной на растерзаніе звѣрю Алиханову»...

Конечно, режимъ Алиханова рѣзко различался отъ режима знаменитаго губернатора Старосельскаго, котораго грузинское общество старается облить совершенно. Войскамъ, бывшимъ въ Кутаисѣ, еще памяты тѣ характерныя слова, съ которыми этотъ авантюристъ, продуктъ удивительной политики графа Воронцова-Дашкова, обратился къ войскамъ послѣ пачала вооруженнаго возстанія, когда Кутаисская губернія вообразила себѣ со своимъ губернаторомъ во главѣ, что въ Россіи водворилась республика: «Я надѣюсь, братцы, что вы будете такъ же честно и благородно служить новому правительству, какъ раньше вы служили Государю Императору»...

И послѣ этого чувства силы и своеволія—нѣсколькихъ словъ генерала Алиханова, по твердыхъ и рѣшительныхъ, было достаточно, чтобы все зданіе кутаисской революціи, вся ея мощь рассыпалась въ прахъ...

Этого удара своему престижу руководители кавказской революціи не могли простить генералу Алиханову и, конечно, приговорили его къ смерти...

Но предпринять что-либо противъ него, пока онъ пользовался властью и держалъ нити управленія въ рукахъ, они рѣшиться не могли—слишкомъ уже страшными рисовались имъ послѣдствія въ случаѣ неудачнаго покушенія.

Но зато всѣ усилія революціи были направлены къ тому, чтобы поскорѣе вытѣснить его и добиться у намѣтника отозванія его. Для

такого рода дѣйствій у кавказскихъ аборигеновъ выработался превосходный и весьма простой пріемъ: изъ Гуріи въ особенности начинаютъ черезъ прессу и уста разныхъ благожелателей нестись стenanія о необыкновенныхъ жестокостяхъ и гнетѣ режима—намѣстникъ долженъ явить себя несолидарнымъ съ нимъ и потому немедленно отзывается генераль-губернатора. Такъ было и съ генераломъ Алихановымъ: ему дали только столько времени, сколько надо было для возстановленія власти правительства. Когда, по мнѣнію управленія намѣстника, это было достигнуто, онъ былъ вызванъ, а кутаисскимъ губернаторомъ съ правами генераль-губернатора былъ назначенъ г.-м. Изыковъ. Генералу Алиханову пообѣщали казачью дивизию, и онъ отправился въ Кутаисъ сдавать дѣла новому начальнику губерніи.

Не безъ тревоги провожали мы его въ Кутаисъ, зная хорошо тактику революціонеровъ и слыша зловѣщіе слухи, циркулировавшіе въ Тифлисѣ. Въ грузинскомъ обществѣ твердили въ одинъ голосъ одно: «Разгрома (?) многострадальной Гуріи мы злодѣю Алиханову не простимъ никогда. Пусть не думаетъ, что онъ спасся, если переведется изъ Кутаиса... его оттуда живымъ все равно не выпустятъ... что бы онъ ни дѣлалъ, онъ все равно будетъ убитъ»...

— Не беспокойтесь, господа,—утѣшалъ насъ генераль при прощаніи:—я послѣзавтра вернусь къ вамъ цѣлъ и невредимъ—вотъ увидите.

Но вышло иначе. Что на него организуется покушеніе, не могло не быть извѣстно въ Кутаисѣ—объ этомъ открыто говорили въ Тифлисѣ, и хотя Алихановъ и прощался съ нами со столь ободряющими словами, но самъ прекрасно зналъ, что его ожидаетъ въ Кутаисѣ страшная опасность, и, не моргнувъ бровью, съ веселымъ челомъ шель онъ навстрѣчу ей. Кутаисская же администрація отнеслась съ завидной покорностью судьбѣ: «убьютъ, такъ убьютъ, ничего не подѣлаешь—на то воля Божія!»—и ровно ничего не сдѣлала для охраны его и предупрежденія готовящагося преступленія: «Ну что за сумасшедшій генераль Алихановъ, —фарисействовали въ административномъ кругу въ Тифлисѣ:—зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Кутаисъ, когда его почти навѣрное тамъ убьютъ»—и тоже оставались спокойными зрителями грядущихъ событій...

Покончивъ съ дѣлами и визитами 16-го мая, генераль Алихановъ отправился къ новому генераль-губернатору. Когда онъ выходилъ изъ экипажа, какой-то туземецъ, сунувъ ему записку, быстро скрылся. Не читавшій по-грузински генераль передалъ записку для прочтенія переводчику генераль-губернатора, который, взглянувъ на записку, быстро сунулъ ее въ карманъ. Впослѣдствіи оказалось, что одинъ изъ доброжелательныхъ туземцевъ предупреждалъ Алиханова, что въ него будутъ брошены бомбы изъ дома Туркія. Если бы переводчикъ передалъ содержаніе записки, то катастрофа была бы

предотвращена. Когда Алихановъ, простившись съ г. Языковымъ, сѣлся въ экипажъ, ему начали совѣтовать впередъ пустить пустой фаэтонъ съ казачьимъ конвоемъ: если бросятъ, молъ, бомбы, то пострадаетъ пустой фаэтонъ. Алихановъ съ негодованіемъ отвергъ это трусливое предложеніе и замѣтилъ: «Удивляюсь, господа, какъ у васъ повернулся языкъ дать такой совѣтъ. Еще никогда генераль Алихановъ не посылалъ другихъ умирать вмѣсто себя и никогда и никто не могъ сказать, что генераль Алихановъ чего-нибудь боялся»—и съ этими словами тронулся въ путь. Въ фаэтонѣ рядомъ съ нимъ сѣлъ его адъютантъ поручикъ Темниковъ, а противъ него его братъ. Конвоируемый казачьимъ конвоемъ, ѣхалъ онъ на вокзалъ, откуда долженъ былъ выѣхать съ ближайшимъ поѣздомъ окончательно въ Тифлисъ. На пути ему была сдѣлана засада—революціонная грузинская организація водворилась во второмъ этажѣ частнаго дома, конечно, не безъ вѣдома хозяина, гдѣ былъ большой балконъ. Другіе революціонеры засѣли въ ближайшихъ домахъ напротивъ. Какъ только фаэтонъ поровнялся съ балкономъ, съ него полетѣло 8 бомбъ страшной силы, спереди, сзади и по сторонамъ экипажа и въ конвой, и поднялась батальная стрѣльба изъ револьверовъ... Нѣсколько казаковъ и конвойныхъ были убиты и ранены, ранеными оказались и генераль Алихановъ и его братъ. Генерала поранило нѣсколько осколковъ, изъ которыхъ одинъ поразилъ его въ бокъ и проникъ въ легкое, образовавъ тяжелую рану.

Преступники исчезли безслѣдно, но долго не изгладятся изъ памяти ужасные слѣды ихъ злодѣйскихъ дѣяній... Бросились за врачомъ въ больницу—врачъ Джапаридзе отказался ѣхать, а затѣмъ и другіе. Пришлось вызвать врача изъ Сурама. Послѣ первой перевязки и едва очнувшись отъ сотрясенія отъ взрывовъ бомбъ, генераль и остальные раненые были посажены въ тифлисскій поѣздъ и отправлены въ Тифлисъ, гдѣ еще не знали, что административное непротивленіе злу дало уже весьма осязательные плоды...

Раненый съ вокзала былъ доставленъ домой и, чтобы не обезпокоить своихъ домашнихъ, съ веселымъ видомъ поднялся по лѣстницѣ на второй этажъ въ свою квартиру, хотя это и стоило ему немалыхъ усилій и силы воли. Рана оказалась тяжелѣе, чѣмъ предполагалось, и ему пришлось поѣхать за границу долечиваться, такъ какъ осколокъ бомбы оказалось невозможнымъ вынуть изъ легкаго. Въ концѣ концовъ могучая природа взяла свое, и Алихановъ настолько поправился, что могъ вернуться на родину, гдѣ его ожидало назначеніе начальникомъ 2-й кавказской казачьей дивизіи, расквартированной въ юго-западномъ Закавказьи.

Близкіе его были очень встревожены этимъ назначеніемъ, тѣмъ болѣе, что отъ высшихъ чиновъ кавказской администраціи были получены дружественныя предупрежденія, что ему пріѣзжать на Кавказъ положительно небезопасно, какъ видно изъ многочислен-

ныхъ попавшихъ въ руки властей революціонныхъ документовъ, не оставляющихъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что на него будетъ произведено покушеніе, какъ только онъ прїѣдетъ на Кавказъ. Предлагали ему похлопотать о переводѣ въ другое мѣсто, но онъ категорически запретилъ предпринимать какіе-либо шаги въ этомъ направленіи. «Я не могу подать повода кому-либо сказать, что генераль Алихановъ струсилъ и уклонился отъ опасности», говорилъ онъ и поѣхалъ второй разъ твердо и весело навстрѣчу смерти, которая ему, по общему мнѣнію, угрожала...

Поразительна безпечность властей: всѣ знали объ угрожавшей ему опасности и никакихъ мѣръ къ предотвращенію ея не приняли, и прибывшіе въ Александрополь террористы могли свободно выслѣдить свою жертву и выработать наиболѣе для себя выгодный планъ. Моментъ былъ выбранъ тогда, когда генераль Алихановъ съ сыномъ-нажомъ и генеральшей Глѣбовой съ дочерью возвращался поздно ночью домой съ полкового праздника.

Грузины забросали экипажъ бомбами, осколками которыхъ были убиты наповаль генераль Алихановъ и г-жа Глѣбова и тяжело ранены оба молодые люди. Хотя всѣ говорили о неизбѣжности покушенія, но революціонеры дали пройти такому промежутку времени, что усыпили общее вниманіе и слухи о какомъ-либо готовящемся покушеніи совершенно замерли, такъ что въ моментъ, когда совершалось злодѣяніе, его меньше всего ожидали и слухъ о смерти Алиханова поразилъ всѣхъ какъ громомъ.

Эффектъ террористами былъ достигнуть полный; они еще разъ подтвердили, что при слабости власти на Кавказѣ всякая жертва, приговоренная кавказской революціей къ смерти, будетъ ими убита и ее не спасетъ ни время, ни мѣсто...

Пощаженный вражеской пулей въ нѣсколькихъ войнахъ, Александръ Михайловичъ сложилъ свою жизнь за вѣрность долгу, Россіи и русскому Царю, но погибъ совершенно преждевременно: благодаря своей могучей натурѣ, несмотря на свои 60 лѣтъ, онъ былъ совершенно бодръ, крѣпокъ, полонъ энергіи и молодежавъ.

Всю свою жизнь онъ обогащалъ себя знаніями и не было момента, когда его голова не была полна мыслей.

Этотъ родившійся въ глухомъ уголкѣ Дагестана на закатѣ его политической независимости лезгинъ силой своей воли сдѣлался просвѣщеннымъ гражданиномъ, талантливымъ писателемъ, живописцемъ и выдающимся образованнымъ военачальникомъ, сохраняя прирожденные ему свойства горца—безстрашіе, удаля, ловкость, выносливость, непоколебимую энергію, желѣзную волю и поразительное хладнокровіе. Въ груди его билось честное, вѣрное сердце, и Россія въ немъ потеряла вѣрнаго и полезнаго слугу, который бы служилъ ей полезно еще много-много лѣтъ вѣрой и правдой.

Онъ являлся также замѣчательнымъ примѣромъ той благородной формы обрусѣнія, которая изъ вчерашняго врага дѣлаетъ вѣрнаго друга: оставаясь добрымъ мусульманиномъ и природнымъ лезгиномъ, горячо любившимъ свой хмурый Дагестанъ съ его дикою народною поэзіею и полной геройскихъ подвиговъ исторіею, свой родной языкъ, Алихановъ въ то же время сталъ горячимъ русскимъ патриотомъ, превосходно усвоилъ себѣ русскій языкъ, которымъ владѣлъ лучше иныхъ природныхъ русскихъ, и русскую цивилизацію и свой жизненный путь совершилъ, ознаменовавъ его многими полезными для своего новаго отечества дѣлами...

Обаятельный обликъ этого интереснаго и хорошаго человѣка, представлявшаго собою вполне цѣльный и законченный типъ, неизгладимо сохранится въ памяти всѣхъ, знавшихъ его.

Н. Ш.

